

Московские архивы в 1812 году

В начале XIX в. в Москве функционировали пять исторических архивов: Московский архив Коллегии иностранных дел (МА-КИД). Архив межевой канцелярии, Архив вотчинного департамента, Московский государственный архив старых дел (МГАСД), Разрядно-Сенатский, а также Московский губернский архив и архивы учреждений (ведомственные), кроме того, в уездных городах находились архивы судов — уездных, земских, совестных, сиротских, дворянских опеки и канцелярий предводителей. Судьбам московских архивов в 1812 г. посвящено не так уж много работ, и относятся они в первую очередь к главным архивохранилищам Российской империи¹. Что же касается местных архивов и ведомственных архивов губернских и уездных учреждений, то об их состоянии в то тяжелое время известно немного сведений, и целью данного сообщения является донести эти сведения до исследователей.

Как известно, эвакуация архивных документов из столицы началась задолго до вступления французских войск в Москву. Непосредственным поводом для организации эвакуационных мероприятий послужил захват Смоленска и гибель местных архивов. Понимая, что такая же участь может ожидать и Москву, граф Ф.И. Ростопчин еще 14 августа (т.е. за 12 дней до Бородинского сражения) отправил управляющему МАКИД Н. Н. Бантыш-Каменскому письмо об укладке документов. 18 августа аналогичные распоряжения получили МГАСД и Архив вотчинного департамента, а затем и Архив межевой канцелярии. В ночь с 22 на 23 августа из Москвы были вывезены ценности Оружейной палаты, а затем началась эвакуация архивов. Последними в ночь на 2 сентября были вывезены материалы МГАСД.

Более сложная ситуация с эвакуацией учреждений складывалась на территории Московской губернии. Уже 16 августа наполеоновские войска были в Вязьме, отстоящей от столицы всего лишь в 240 верстах. Таким образом, возникла реальная угроза для западных районов губернии. Главнокомандующий Москвы граф Ростопчин предписал гражданскому губернатору Н.В. Обрезкову по мере приближения неприятельских войск «в прикосновенных уездах» уездных чиновников и находящихся под стражей арестантов отправить «в надежное место», оставив только земскую полицию². На основании данного предписания Обрезков 20 августа повелел верейскому, рузскому, Можайскому, волоколамскому магистратам, уездным, сиротским, словесным судам и дворянским опекам закрыть свои присутствия, а необходимые дела, денежную казну и арестантов доставить в Москву.

Первым с казенными делами в столицу прибыл секретарь Можайского земского суда Яков Алексеев с несколькими чиновниками. Московское губернское правление разрешило разместить материалы суда в комнатах губернского архива. Несколько дней спустя в Москву из Можайска были привезены дела уездного суда с момента его открытия, казенная печать, шесть человек колодников и девять текущих нерешенных дел, а 28 августа из этого же уездного города были доставлены материалы городского магистрата, 190 руб. 46 коп. казенных денег и четыре печати. Документы были сложены на губернском дворе, деньги и паспортные бланки отправлены в казенную палату, а нерешенные дела и печати помещены в губернском правлении.

23 августа были закрыты уездные учреждения в Верее, Рузе и Волоколамске. На следующий день материалы Верейского уездного суда и дворянской опеки, начиная со времени их открытия до 1812 г., были зашиты на 17

кулей и отправлены в Москву. В отдельный куль поместили секретные документы. Дела же Верейской воеводской канцелярии и нижней расправы остались в городе под присмотром городничего. Колодники были отданы под надзор инвалидной команде.

После закрытия присутственных мест в Рузе, чиновникам было предписано впредь до получения особого распоряжения оставаться в городе. Нерешенные дела уездного суда, а также законченные материалы, хранящиеся в архиве, упакованы и отправлены на обывательских подводах в столицу. Колодников же в этом уездном городе не оказалось, за исключением одного крестьянина, обвиняемого в убийстве. Он-то и был отправлен из Рузы под караулом инвалидной команды.

В числе городов, получивших предписание Обрезкова от 20 августа, почему-то не оказалось Звенигорода. Лишь 30 августа в город поступил указ губернского правления о закрытии присутствия и приведения в порядок дел. Но уже на следующий день в Звенигород прибыли генерал-майор Ф. Винцингероде и адъютант императора князь П. М. Болконский, которые объявили уездному судье и предводителю, что по случаю приближения неприятеля город находится в опасности и необходимо срочно эвакуировать дела дворянской опеки. В результате этих действий дела опеки были 1 сентября доставлены в Москву и сложены в комнатах строительного отделения.

Среди городов, не получавших указа об эвакуации по случаю отдаленности от места военных действий, был Богородск. Но местные власти по собственной инициативе собрали все решенные и нерешенные дела уездного суда и опеки и подготовили их к вывозу. Однако 22 сентября в 11-м часу вечера город неожиданно заняли неприятельские войска, которые оставались там до 9 октября. После освобождения Богородска чиновники обнаружили в комнатах уездного суда полнейший беспорядок: «в архиве полки были оторваны и старые решенные дела все развязаны и разбросаны, а у казенного сундука, где хранились секретные дела, замок сбит и крышка разломана, а секретные дела разбросаны по всем каморам и на дворе»³. После проведения проверки выяснилось, что похищено 3 обычных и 13 секретных дел.

В Коломне и Клину местные чиновники долго не знали о своей участи. О Коломне губернатор Обрезков вспомнил, когда 6 сентября проезжал через этот город по пути в Нижний Новгород. Он распорядился отправить дела Коломенского уездного суда и денежную казну в соседнюю Рязань — в местные губернские правление и казначейство, где те оставались до февраля 1813 г. Клинским же чиновникам пришлось еще дольше ждать указания от властей. Лишь 13 сентября они получили секретный указ губернского правления об эвакуации в Тверь, где находились с 16 сентября по 27 октября 1812 г.

Документы местных архивов, отправленные в Москву, были «последствием частично вывезены в Нижний Новгород, что спасло их от гибели. Те же дела, которые остались в губернском архиве, пострадали от взрыва Арсенала, подорванного французами накануне отступления из Москвы. Так, например, из 27 кулей с материалами Верейского земского суда, находившиеся в здании губернского правления, 4 куля были расшиты и дела из них разбросаны по всему помещению,

В той или иной степени пострадали и не вывезенные вовремя архивы всех уездных городов, где находился неприятель. Дела Можайского уездного суда, по 1782 г. оставшиеся в городе, сгорели полностью, а материалы Рузского земского суда были после освобождения Рузы найдены разбитыми, порванными, смешанными с другими делами.

Еще хуже обстояло дело с архивами в самой столице. В первую очередь были эвакуированы, как уже говорилось выше, документы государственных архивов. Затем дошла очередь до архивов учреждений. Большинство присутственных мест было открыто до последних чисел августа. Лишь 31 августа был отдан приказ Ростопчина об их эвакуации. 1 сентября документы текущего делопроизводства, «дела, не решенные или по решениям исполнением незаконченные» начали вывозить из Москвы. В этом виден был прагматический подход к спасению архивных материалов: в первую очередь вывозились документы, имеющие практическое значение. Пунктами назначения были Муром, Владимир и Нижний Новгород. Хотя известны и другие места пребывания эвакуированных учреждений. Так, например, председатель Московской палаты гражданского суда с заседателем, секретарем, повытчиками и с делами выехали из Москвы по Владимирскому тракту в город Арзамас.

Большая же часть документов осталась в столице: в губернском архиве, а текущие документы у столоначальников. Единственным учреждением, вывезшим все свое делопроизводство, был Комитет по постройке казарм в Москве. Может быть, данное обстоятельство объяснялось наличием у них небольшого количества дел.

Губернский архив, образованный в 1797 г. для хранения материалов екатерининских учреждений, ликвидированных Павлом I, размещался в здании присутственных мест. 31 августа 1812 г. архивариус Михаил Шмит вместе с губернским секретарем Петуховым и коллежским регистратором Гуциным получили от правления предписание смотреть «за целостью» архива. Однако от взрыва 11 октября находившегося неподалеку Арсенала и Кремлевской стены в архиве начался пожар. Сгорели все документы, находившиеся на среднем этаже: реестры всех дел губернского правления с 1782 по 1812 гг., докладные и настольные реестры, свидетельства, аттестаты, паспорта, послужные списки губернских чиновников, долговые обязательства разных лиц, межевые книги, планы казенных и помещичьих дач. Хранившиеся в верхнем этаже дела московских военных и гражданских губернаторов, губернских прокуроров... «остались не сожженными, но все разбиты и разбросаны по полу в совершенном беспорядке и все ли в целости неизвестно, и шкафы, в коих дела лежали, истреблены, в окнах рамы испорчены и в них стекла все разбиты» - такую картину разгрома нарисовал М. Шмит в декабре 1812 г.⁴

Для разборки документов и составления описей к Шмиту были прикомандированы чиновники от всех учреждений, хранивших свои дела в архиве. Но разбор затруднялся тем, что вместе с делами, сгоревшими в среднем этаже, сгорели и лестница. В самих помещениях архива были выбиты стекла, выломаны двери, попало огромное количество мусора от взрыва каменных зданий. Поэтому пробраться на третий этаж, где находились уцелевшие документы, нельзя было «без приведения покоев тех и лестницы в порядок». Однако ремонт в здании присутственных мест Комиссия для строений осуществляла только по предписанию Главнокомандующего. В первую очередь были отремонтированы комнаты, занимаемые палатой уголовного суда, казенной палатой и казначейством, тем управой благочиния. Архив, как обычно, не относился к разряду важнейших учреждений. В связи с этим чиновники приступили к разбору документов в крайне неудовлетворительных условиях — при постоянно протекавшей крыше, проломанных полах. Отдельные материалы разбирали во дворе дома. Естественно, такая работа могла проводиться только при хорошей погоде. Как только наступила зима, деятельность архивистов была приостановлена до марта следующего года. Но несмотря на столь сложные

условия, к концу весны документы были систематизированы по учреждениям и сложены «в кучи». Тогда-то и произошло следующее неприятное происшествие. В июне 1813 г. Шмит, придя на службу, обнаружил такую картину: «все бывшие в кучах дела развалены, вязки развязаны и как только можно представить безобразия, дела разбиты, разбросаны и множество книг совершенно истреблены»⁵. После этого губернское правление обратилось к московскому коменданту Гессе с просьбой установить караул у комнат, занимаемых архивом. После долгих совещаний с плац-майором бароном Дельвигом Гессе отказал, мотивируя свой отказ невозможностью охранять комнаты, где бывает слишком много народу. Охрана так и не была установлена. Зато к осени того же 1814 г. наконец-то были выделены средства на ремонт помещений архива. Спустя два года работа по систематизации документов была завершена и архивисты приступили к составлению новых реестров взамен сгоревших. Но этот труд растянулся уже на целые десятилетия.

В московском пожаре были и другие утраты, кроме описанных выше. Полностью сгорели материалы Московского университета и Московской медицинской конторы. Кроме того, в здании губернского правления находились архивы, эвакуированные из западных губерний: Виленской и Гродненской. Документы Гродненских присутственных мест в количестве одного сундука и 15 тюков были доставлены в Москву накануне вступления Наполеона. Среди них были материалы губернского правления, канцелярии гражданского губернатора и казенной палаты. После освобождения столицы архивариус Шмит на запрос властей первоначально сообщил о гибели при пожаре архива Виленского губернского правления. Когда же Гродненская казенная палата в апреле 1813 г. направила в Москву бухгалтера Моисеева для получения своих документов, выяснилось, что сгорели материалы именно гродненских учреждений.

Таким образом, война 1812 года нанесла тяжелейший урон московским архивам, как историческим, так и ведомственным. В той или иной степени пострадали все, даже те, которые большую часть своих документов сумели вывезти из столицы. Оставшиеся на местах архивные материалы были разорваны, выброшены на улицу, а иные просто уничтожены. Особенно пострадал Московский губернский архив. Работа по разбору, систематизации и описанию документов продолжалась в течение многих лет и в ряде случаев не была завершена даже к 50-м годам XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белокуров С. А. Московский архив Министерства иностранных дел в 1812 г. М., 1913; Шамко И.И. Московские департаменты Сената и подведомственные им архивы в 1812-1814 гг. //ОД И Б. М., 1889. Кн. 6; Мещерский И. А. Архив межевой канцелярии // Журнал Министерства юстиции. 1896. №7; Бухерт В.Г. Архив межевой канцелярии в 1812— 1813 гг. // Москва в 1812 году: Материалы науч. конф., посвященной 180-летию Отечественной войны 1812 года. М., 1997.

² ЦИАМ.Ф. 54. Оп. 7. Д. 4649. Л. 1.

³ Там же. Л. 59 об.

⁴ Там же. Д. 5034. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 52.